

ДВЕ ЛУНЫ

18+

Дмитрий Хохлов

Дмитрий Хохлов

Две Луны

<https://litres.ru/74100729>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он думал, что его жизнь — серый фон. Что он никто. Обычный парень из провинции, который учится на управленца и не умеет ни драться, ни командовать.

Теперь у него в руках ятаган. Над головой — две луны. Вокруг — стена, за которой во тьме копошатся твари. Рядом — люди, которые ждут от него решений. А внутри — тихий голос, который помнит, как отец открывал холодильник, и боится стать таким же.

«Две луны» — история о том, как серый фон становится лидером. О страхе, который учит драться. О дружбе, которая держит крепче стали. И о выборе, который делает человека человеком — даже в мире, где смерть — всего лишь часть правил.

Содержание

Глава 1. Серый фон	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Хохлов

Две Луны

Глава 1. Серый фон

Илья лежал в темноте и смотрел в потолок. Съёмная «однушка» на окраине спального района — тридцать квадратных метров усталой тишины, пахнущей старыми обоями и соседским борщом из вентиляции. Он снял её не от хорошей жизни. Дома, за шестьсот километров отсюда, в маленьком городке, остались родители. Средний класс, всё как у людей: трёшка в кирпичном доме, машина в кредит, отпуск раз в год на море. Всё нормально. Кроме одного: отец пил. Не по чёрному, не валялся под забором, но каждый вечер — пара бутылок пива, а по выходным — что-нибудь покрепче. И с каждым годом тишина в доме становилась всё гуще, а мамы глаза — всё стекляннее. Илья сбежал в мегаполис не за лучшей жизнью, а чтобы не слышать, как вечером звякает холодильник, когда отец открывает банку пива.

Квартира была дешёвой, потому что окна выходили на поймаку, а лифт не работал с девяностых. Но здесь он мог хотя бы делать вид, что его жизнь — только его, и никто не спросит с порога: «Ну что, Илюша, как там твой батя?»

По экрану телефона, прижатого щекой к подушке, беско-

нечной лентой скользили чужие жизни: вот однокурсница выложила сторис с новой машиной — папа подарил за сдачу на «отлично» по курсачу; вот парень с параллельного потока хохочет в обнимку с друзьями в каком-то баре; вот фитнес-блогер с идеальным прессом рассказывает, как «встать с дивана и изменить жизнь за тридцать дней».

Он смахнул. Следующее видео: кот, падающий с подоконника. Смахнул. Дальше — новостной заголовок: «Войска отбили атаку на восточном направлении» Смахнул, даже не дочитав. Следом — другой канал: «Эскалация на Ближнем Востоке: жертвы среди мирного населения». Он задержал взгляд на секунду, прочитал первые строки, но пролистнул и это. Война, конфликты, взрывы — всё это было где-то далеко, в параллельной реальности, которая касалась его только через экран. Он не игнорировал это сознательно, скорее, у него не оставалось эмоциональных сил, чтобы переживать ещё и за мир в целом. Ему бы с собой разобраться.

Телефон тихо пиликнул — уведомление о низком заряде. Семнадцать процентов. Как и всегда к этому часу. Можно было бы встать, нашарить провод, воткнуть в розетку у кровати. Но для этого нужно было пошевелиться, а в теле поселилась та особенная, вязкая усталость, когда даже протянуть руку кажется подвигом.

Он перевернулся на бок. Взгляд упёрся в тёмный прямоугольник окна. За ним — хрущёвская пятиэтажка напротив, жёлтый свет в двух окнах, остальные — чёрные провалы.

Обычный спальный район. Обычный вечер вторника. В его родном городе в это время уже гасли окна, и наступала такая тишина, что слышно было, как на соседней улице лает собака. А здесь тишины не было никогда — даже ночью мегаполис гудел, дышал, ворочался, словно огромный зверь, которому нет дела до одного маленького человека из провинции.

Завтра — пары. Управление персоналом. Третий курс.

Он скосил глаза на край стола, где белел в полумраке лист с расписанием. Предметы звучали как издѣвка: «Мотивация и стимулирование трудовой деятельности», «Управление конфликтами», «Лидерство и командообразование». Он учился тому, как управлять людьми, зажигать в них искру, вести за собой. А сам третий год подряд входил в аудиторию, садился на третий ряд у окна и старался не отсвечивать.

Не потому что боялся. Просто зачем? Что он может сказать такого, чего не скажут те, у кого отец — владелец сети автосалонов, а мать — глава HR-департамента в международной компании? Они с пелёнок знали, как пожимать руки и смотреть в глаза. А он — парень из маленького городка, сын бывшей учительницы и слесаря, который по вечерам глушит пиво перед телевизором. Семья не бедствовала, но и похвастаться было нечем. Обычные. Средние. И он такой же — средний. Серый.

«Ничего, сынок, — сказала мама, когда он уезжал. Голос у неё был бодрый, но Илья знал этот тон: так она говорила, когда отец в очередной раз обещал «завязать с понедельни-

ка». — Главное — выучись. Потом сам пробьёшься. Мы в тебя верим».

Он запомнил эти слова. Они врезались в память, как заноза. «Мы в тебя верим». Каждый раз, когда он видел цены в столовой и думал о том, что мама, наверное, опять отложила поход к врачу, эта заноза проворачивалась глубже. Каждый раз, когда отец звонил по выходным, и Илья слышал в трубке характерные, чуть растянутые интонации, внутри что-то обрывалось. Он боялся стать таким же. Боялся, что однажды посмотрит в зеркало и увидит не себя, а отца — усталого, погасшего, с банкой пива в руке и пустыми глазами.

Илья не был двоечником. Он учился ровно, без троек, но и без звёзд с неба. Преподаватели ставили «хорошо» и забывали его лицо сразу после зачёта. Он был нормальным. И от этой нормальности хотелось выть. Потому что «нормальный» — это недостаточно хорошо, чтобы тобой гордились, и недостаточно плохо, чтобы на тебя махнули рукой и оставили в покое. Ты просто серый фон, на котором разворачиваются чужие яркие судьбы.

Телефон снова пиликнул и погас. ТикТок умер. В комнате стало совсем тихо. Только холодильник на кухне гудел свою монотонную песню, да за стеной у соседей бубнил телевизор.

Илья закрыл глаза. Перед внутренним взором встало сегодняшнее утро.

Утро. Сборы

Будильник заорал в семь пятнадцать — противной стан-

дартной мелодией, которую он не менял с покупки телефона. Илья нашарил его под подушкой, выключил и ещё минуту лежал, глядя в потолок с трещиной в углу. «Встать. Надо встать. Пары в девять». Он заставил себя сесть, спустить ноги на холодный пол. Кроссовки, вчера брошенные у кровати, сиротливо ждали своей очереди. Подделка «New Balance» с «Садового», но выглядела прилично. Никто не присматривался.

Первым делом — в душ. Крошечная ванная, совмещённая с туалетом, где вечно подтекал бачок, а зеркало было залепано каплями ещё с прошлого вечера. Илья включил воду погорячее, дождался, пока трубы перестанут гудеть, и шагнул под упругие струи. Горячая вода хлестнула по плечам, по затёкшей за ночь шее, и он закрыл глаза. Сквозь тонкие стены пробивался глухой бас — у соседей снова гремела музыка. Сегодня это был CarTown, «Boss». Тяжёлый бит, речитатив про то, как «я здесь главный», про деньги, власть, уверенность. Илья усмехнулся, глядя, как вода стекает по кафелю, унося с собой мыльную пену.

— С водой уйдите... все мои страхи, — прошептал он, почти не разжимая губ. Глупо, по-детски. Но он повторял это каждое утро уже пару месяцев, с тех пор как наткнулся на какой-то дурацкий пост про «аффирмации на воду». Страхи не уходили, но ритуал давал хотя бы иллюзию контроля. Вот сейчас он смоет с себя липкое ощущение никчёмности, нацепит сверху маску «нормального парня» и пойдёт в мир, где

из соседней квартиры несётся: «*I'm the boss, I'm the boss...*». А он даже в собственной ванной не чувствует себя боссом.

Он резко выключил воду. Хватит. Пора.

Он подошёл к шкафу, распахнул дверцы. Выбор одежды по утрам был ежедневной пыткой для человека, который не хотел, чтобы его замечали. «Если надену толстовку с группой — решат, что пытаюсь казаться мрачным. Если рубашку — что я маменькин сынок. Если эту серую футболку — что я серая мышь». Он вздохнул и взял серую футболку с надписью «HR Specialist» — дурацкий принт, купленный на распродаже, но хоть какая-то ирония над собственной жизнью. Какая разница? В аудитории всё равно никто не смотрит.

Джинсы, футболка, толстовка сверху — униформа современного студента. Он плеснул в лицо холодной водой из-под крана, даже не взглянув на себя в зеркало. Знал, что увидит там: светлые волосы, которые давно пора подстричь, серые глаза с покрасневшими белками, вечно усталый взгляд. Ничего интересного.

Завтракать не стал — не хотелось. В холодильнике всё равно оставалось только полпачки молока и яйцо. Он взял рюкзак, проверил, на месте ли зарядка, наушники, пропуск в универ. Всё на месте. Вода в бутылке — есть. Можно выходить.

Илья захлопнул за собой дверь квартиры и шагнул в промозглое утро. Едва наушники коснулись ушей, как в них ворвался жёсткий, маршевый рифф — Rammstein, «*Ich will*».

Он прибавил громкости, позволяя тяжёлым гитарам и властному голосу Тилля Линдемманна заполнить голову целиком, вытесняя липкие утренние мысли. «*Ich will eure Stimmen hören*» — «Я хочу слышать ваши голоса». Илья горько усмехнулся про себя: он, наоборот, хотел бы их все заглушить.

Дорога

Улица встретила его привычной серостью. Низкое небо, мокрый асфальт после ночного дождя, лужи, в которых отражались панельные многоэтажки. Под этот марш он шагал быстрее обычного, почти чеканя шаг, и на несколько минут ему даже показалось, что он не просто серая масса, а часть чего-то большего, мощного, организованного. Муравей, осознавший себя муравьём и идущий в ногу с легионом.

Он шагал по тротуару, и вокруг него текла река людей — быстрая, шумная, безразличная. В его родном городе он знал в лицо почти каждого встречного, и каждый знал его. Там нельзя было просто идти в наушниках, глядя под ноги, — обязательно кто-нибудь остановит, спросит, как дела у мамы, передаст привет отцу. Там было тесно от внимания. Здесь — пусто. И он до сих пор не решил, что лучше.

Но в этом безразличии был свой плюс. Когда ты никому не нужен, никто и не отвлекает тебя от твоих же мыслей. Можно просто идти, смотреть в спины впереди идущих и чувствовать, как от всего этого потока — лиц, шагов, дыхания сотен людей — понемногу заимствуешь некую странную, обезличенную энергию. Не такую, конечно, как на хоккейном мат-

че, куда он однажды выбрался с Яриком ещё до его поступления в военный. Там энергия была горячей, плотной, она билась в грудь и связывала всех — и игроков, и трибуны — в один гудящий, дышащий организм. А здесь энергия была холодной, рассеянной, чужой. Но она всё равно была. Илья впитывал её по крохам, и этого хватало ровно на то, чтобы просто идти вперёд.

Мимо проплывали люди: спешащие на работу, хмурые, с одноразовыми стаканчиками кофе; бабушки, тянущие сумки на колёсиках; школьники с рюкзаками больше их самих. Илья шагал, глядя под ноги, и думал о том, как всё одинаково. Каждое утро — один и тот же маршрут. Остановка. Маршрутка. Метро. Пересадка.

Из метро он вышел в шум — здесь, на широкой магистрали, рёв проезжающих машин не глушили даже наушники. Плотный поток легковушек, автобусов, самокатов, нарезающих между рядами, заполнял собой всё пространство. Илья прибавил шагу, перебежал перекрёсток на мигающий зелёный и свернул в переулок, где становилось чуть тише.

Дальше маршрут лежал через небольшой, но до блеска отшлифованный квартал делового центра. По левую руку вздымались стеклянные высотки — безликие, холодные, отражающие серое небо. В витринах первого этажа одного из бизнес-центров манекены в дорогих костюмах застыли в неестественных позах, словно их поймали на середине важного разговора. По правую руку, отделённый полосой чух-

лого сквера, стоял огромный стеклянный ТРЦ — вход сверкал рекламными экранами, из дверей тянуло запахом кофе и сладких булок. Илья на мгновение задержал дыхание: он знал, что стоит зайти внутрь — и цены ударят по глазам хлеще, чем свет витрин.

А за ТРЦ, на соседней улице, прятались старые дома — настоящие, кирпичные, с лепниной на фасадах, с высокими окнами в арочных проёмах. Дореволюционная застройка, чудом уцелевшая среди стеклобетонного наступления. Дома стояли плотно, плечом к плечу, и на их фоне высотки казались незваными гостями, неловко топчущимися на чужом празднике. Илья каждый раз, проходя здесь, думал: вот бы пожить в таком — с толстенными стенами, с историей в каждой трещине штукатурки. Но тут же одёргивал себя: квартиры там стоят как крыло самолёта.

Наконец дорога вывела его к университету. Главный корпус открылся сразу, без переулков — огромный, врезанный в перспективу улицы, как финальный аккорд архитектурной симфонии. Белые колонны у входа подпирали массивный треугольный фронтон, на котором блеклая, но всё ещё различимая надпись сообщала год основания — вековая история, высеченная в камне. Широкая лестница вела к высоким дубовым дверям, уже открытым настежь, и по ней непрерывным потоком поднимались студенты. Фасад, слегка обветшалый, но оттого ещё более величественный, дышал прошлым — казалось, что из этих дверей должны выходить не люди

в худи и кроссовках, а профессора в сюртуках и студенты в мундирах.

Илья каждый раз ловил себя на странном чувстве, когда входил сюда. Университет был слишком красив для него. Слишком величественным. Слишком полон ожиданий, которым он, Илья, вряд ли соответствовал. Он проходил сквозь колоннаду, и ему казалось, что даже камни смотрят на него с немым вопросом: «А ты-то что здесь делаешь?»

Но двери пропускали его, как пропускали всех. И он входил — серый, незаметный, с наушниками в ушах, исчезающий в толпе таких же студентов, которые, наверное, тоже не знали ответа на этот вопрос.

Университет

В холле корпуса было шумно, несмотря на ранний час. Кто-то смеялся у расписания, кто-то обнимался после выходных, стайка первокурсников с потерянным видом ждала куратора. Илья вошёл, выключил музыку, но наушники оставил в ушах — так меньше шансов, что кто-то заговорит.

Он двинулся по коридору, машинально кивая знакомым. «О, Илья, привет!» — «Привет, как сам?» — «Норм, у тебя?» — «Тоже». Кивок. Улыбка, которая не затрагивает глаз. Следующий. «Здорово!» — «Здорово». И дальше.

Он вдруг поймал себя на мысли, что смотрит на них иначе, чем обычно. Может, из-за того, что сегодня не выспался, или из-за новостей, которые мелькали в ленте перед сном — война там, кризис здесь, — но он вдруг увидел их всех как

будто со стороны. Какие все разные... и какие все одинаковые. У этой девушки — ярко-розовые волосы и пирсинг в брови, она громко смеётся, но в глазах — усталость. У того парня — дорогой рюкзак и часы, которые стоят как две его стипендии, но плечи опущены, а взгляд затравленный. Все они бегут по кругу: пары, домашка, подработка, попытки казаться успешными в соцсетях. Все они — такие же, как он, приезжие или местные, но одинаково потерянные в этом огромном городе, который обещал возможности, а дал только шум и равнодушие.

А за всем этим — тихий, но постоянный гул тревоги. О чём? О деньгах, о будущем, о том, что там, за границей, что-то грохочет, и кто знает, не долетит ли эхо сюда.

Он снова увидел мысленно те заголовки: «Войска отбили атаку на восточном направлении», «Ракетный удар по жилому кварталу», «Переговоры зашли в тупик». И подумал: *«Они все делают вид, что это их не касается. И я делаю вид. Но это касается. Просто мы не знаем, как на это реагировать, поэтому скроллим дальше, к котикам».*

Илья тряхнул головой, отгоняя мысли. Не его дело спасать мир. Его дело — дожить до конца пар, не умерев от скуки, и, может быть, найти подработку, чтобы в следующем месяце не просить у родителей на проездной.

Он сел на своё обычное место — третий ряд, у окна, достал тетрадь, ручку. В аудиторию входили однокурсники, рассаживались, гудели. Преподаватель задерживался.

Прямо перед ним, на втором ряду, устроились две девушки. Светлые волосы, лёгкий аромат духов — такой, что хочется задержать дыхание. Илья не собирался подслушивать. Но они сидели слишком близко, а голоса у них были те самые — звонкие, взволнованные, которые перекрывают даже гул аудитории.

— И он такой говорит: «Я не могу без тебя, ты — мой трёхочковый», — щебетала одна. — Прикинь? Баскетболист, два метра ростом, а несёт такую романтическую чушь.

— И ты растаяла, — смеялась вторая.

— Ага. Встречаемся теперь. Он на выездные игры ездит, зовёт с собой.

Илья рассеянно вертел ручку в пальцах. Когда-то и он недолго занимался баскетболом. Школьная секция, скрипучий паркет, запах оранжевого мяча. Он был пожизненный запасной — тот, кого выпускали на последние минуты, если разрыв в счёте позволял. Не хватало роста, не хватало прыгучести, не хватало какой-то внутренней злости, которая заставляет биться за каждый мяч. Он не жалел. Просто сейчас, глядя в спины этих девчонок, подумал: «Интересно, а какво это — быть не запасным?»

Преподаватель наконец вошёл, и гул стих.

Илья посмотрел в окно. В тёмном стекле, поверх серого неба и панельных многоэтажек, отразилось его собственное лицо. Тёмно-карие глаза, тусклые от недосыпа. Волосы, которые давно пора подстричь, — отросшие, спутанные, торча-

щие в стороны после утреннего душа. Лёгкая щетина на подбородке, которую он третий день забывал сбрить. Он смотрел на себя — и не узнавал. Будто за стеклом сидел кто-то другой: усталый, помятый, неопрятный. Серый.

Он моргнул, и лицо исчезло. За окном снова было только небо — низкое, серое, висящее над городом. И на мгновение ему показалось, что в этом небе что-то изменилось. Словно на долю секунды облака расступились, и он увидел... нет, почувствовалось. Просто блик. Он моргнул, и всё стало как прежде.

День прошёл как обычно. Пары, ещё пары.

На перерыве перед последней лекцией аудитория гудела уже не так бодро — все подустали. На соседнем ряду, через проход, сидели трое парней из параллельной группы. Громкие, спортивные, в худи свободного кроя. Они живо обсуждали вчерашний футбольный матч.

— Я ему говорю: «Ты там вообще вратарь или столб?» — басил один, довольный собой. — А потом как дал с левой в девятку! Красавец мяч залетел.

— А я дважды вытащил с ленточки, — подхватил второй. — Мёртвые мячи, брат. Без вариантов.

Илья слушал. Футбол он любил. Не как игрок — как зритель. Знал команды, помнил результаты, мог спорить о тактике. И вдруг, сам не заметив, как, сказал вполголоса, почти не надеясь на ответ:

— А вы видели, как наши фаворитов выиграли в Лиге чемпионов? Вообще разгром.

Парни обернулись. Тот, что забил красивый гол с левой в девятку, окинул Илью быстрым, оценивающим взглядом. На лице появилась лёгкая, почти незаметная ухмылка.

— Да, видели. Но ты лучше открой окно. Жарко.

Илья моргнул. Секунду смотрел на него, потом молча встал и приоткрыл створку. С улицы потянуло сырым холодом. Он сел обратно, глядя в тетрадь. Внутри что-то сжалось и тут же отпустило. Да, ещё один «запасной» момент. Ещё одна маленькая демонстрация того, кто здесь на первых ролях, а кто — масса, которой можно поручить открыть окно.

«Ничего, — подумал он. — Я не злюсь. Им нужно было окно, мне нужно было вписаться. Не вышло. Бывает».

Но в глубине души он знал: это не просто окно. Это невидимая линия. И он только что остался по ту её сторону.

Обед

В обеденный перерыв Илья не пошёл в столовую. Душно, шумно, очередь — нет уж. Он вышел на улицу, вдохнул сырой, но свежий воздух и направился в обход главного корпуса, туда, где между университетом и старым жилым кварталом пряталась недлинная, но бойкая улочка.

Здесь всё было устроено так, как любят студенты: тесно, дешёво и быстро. С обеих сторон улочку облепили киоски и ларьки — одни торчали прямо на тротуаре, другие жались к стенам домов. Пахло разогретым маслом, специями, сладкой выпечкой и чуть-чуть — жжёным сахаром. Здесь было всё, что студенту угодно: шаурма на трёх разных вертелах,

хот-доги с хрустящей корочкой, вьетнамские спринг-роллы, пирожки с картошкой и мясом, аппараты с газировкой и дешёвым кофе. Над одним из ларьков красовалась нарисованная от руки вывеска: «Хот-дог — 120. С сыром — 140. С чили — 160».

Илья взял обычный хот-дог, без сыра, полил горчицей и отошёл к высокому столику, вкопанному прямо в асфальт. Ветер трепал салфетку, прижатую локтем, но было вкусно — горячо, жирно, как раз чтобы перебить пустоту в животе и лёгкую горечь после того, как его отправили открывать окно.

Он ел и рассеянно смотрел на толпу. И вдруг заметил его.

Тот самый парень. Нападающий, забивший красивый гол с левой в девятку. Теперь он был не в худи, а в яркой спортивной форме — красно-чёрная ветровка, штаны с лампами, на груди эмблема какого-то клуба. Он стоял метрах в десяти, у ларька с вьетнамской едой, в окружении трёх ребят явно с другого потока — Илья их раньше в корпусе не видел. Парень держался легко, уверенно, жестикулировал так, будто сцена вокруг него сама собой организовалась.

— ...и тут он на меня бычит, — доносилось сквозь уличный шум. — А я ему: «Слышь, ты чё такой дерзкий?» Он руку поднял, а я с левой — раз! — и всё. С одного удара. В нокаут. Даже разнимать не пришлось. Пацан просто лёг и лежал.

Ребята заржали, закивали, кто-то хлопнул его по плечу. Нападающий принял восхищение как должное, сунул руки в

карманы ветровки и лениво улыбнулся.

Илья дожевал последний кусок булки и вытер пальцы салфеткой. «С одного удара, — подумал он. — Интересно, а я хоть раз в жизни бил с левой? Хоть по мячу, хоть по лицу? Нет, не бил. Я даже мяч-то редко получал».

Он смял салфетку, бросил в урну и пошёл обратно к корпусу. Нападающий даже не взглянул в его сторону. Да и с чего бы? Илья не забивал красивых голов и не отправлял никого в нокаут. Он просто проходил мимо — и в этом, пожалуй, заключалась суть его жизни.

Вечер. Звонок

Когда Илья вышел из дверей университета, небо уже потемнело, зажглись фонари, и мокрый асфальт отражал их жёлтый, размытый свет. Он снова вставил наушники, ткнул в плейлист наугад — и полились первые аккорды Limp Bizkit, «Behind Blue Eyes». Медленная, тягучая версия, полная скрытой боли. Фред Дёрст пел о том, что никто не знает, каково это — быть человеком с грустными глазами, которого все ненавидят и которому никто не верит. Илья замедлил шаг. Это было слишком в точку. Слишком про него. Он не стал переключать, просто сунул руки в карманы и пошёл к остановке, чувствуя, как холодный ветер забирается под толстовку.

В маршрутке, прижатый к окну чьей-то широкой спиной, он достал телефон. Пальцы сами набрали номер. Гудки. Один, второй, третий.

— Алло?

— Привет, Ярик. Как дела?

Ярослав, друг детства, с которым они выросли в одном дворе, а потом их пути разошлись: Илья уехал в мегаполис на «гражданку», а Ярик поступил в военный институт. Голос у него был, как всегда, бодрый, даже когда он, судя по фону, находился в казарме.

— О, Илюха! Привет, братан. Да нормально, пашем потихоньку. Учения скоро, готовимся. У тебя как?

— Да тоже пойдёт, — Илья помолчал. За окном маршрутки проплывали витрины, люди, машины. — Слушай, я последнее время думаю... что вообще в мире происходит? Страшно становится.

Ярослав хмыкнул в трубку. Не весело, а как-то по-взрослому, устало. Он знал Илью с детства, помнил и его отца в редкие трезвые дни, и тихие слёзы матери, и то, как Илья всегда старался быть незаметным, даже когда хотелось кричать. Поэтому Ярик не стал отрываться дежурным «не парься».

— Да всё нормально, Илюх. Не накручивай. Всё скоро кончится. Войны всегда кончаются. А ты... ты справишься. Ты ж у нас всегда справлялся, я помню.

Илья почувствовал, как внутри что-то отпустило — совсем чуть-чуть. Хорошо, когда тебя знают. Когда не надо объяснять, что за словами «всё пойдёт» на самом деле стоит «всё катится к чертям».

— Надеюсь, брат, — сказал он тише. — Завтра встретимся?

— Ага, давай. У меня как раз увал будет. В кафешку сходим, как раньше. Посидим, поболтаем. Ты, это... не кисни там.

— Ладно, Ярик. Давай, я к дому подхожу. Удачи тебе.

— И тебе удачи, братан. Держись.

Илья сбросил вызов и какое-то время смотрел на погасший экран. Потом нажал «плей» в плейлисте, и наушники взорвались совсем другой музыкой — ТОМ КОСМОС, «Родина». Резкий, надрывный голос, пульсирующий бит и слова, от которых внутри всё сжималось: о земле, где он родился, о боли, о надежде, которая теплится вопреки всему. Илья стоял у подъезда, не в силах зайти внутрь, и слушал, пока трек не закончился. Только потом толкнул тяжёлую дверь.

Дома. Звонок мамы

Дома он упал на кровать, стянул кроссовки и хотел уже включить ТикТок, чтобы привычно провалиться в ленту чужих жизней, но телефон завибрировал сам. На экране светилось: «Мама».

Она звонила практически каждый день. Илья знал: это не контроль, не гиперопека. Просто мама хотела слышать его голос. Он провёл пальцем по экрану.

— Алло, мам.

— Привет, сынок. Не разбудила?

— Нет, я только зашёл. Как ты?

— У меня хорошо. Как отучился?

— Да как всегда. Пары, перемены. Нормально. Завтра с Яриком встречаемся, в кафе.

Мама на том конце чуть потеплела голосом — он услышал это даже сквозь помехи междугородней связи.

— О, хорошо. Хороший друг, никогда тебя не подводил. Рада, что встретитесь. А дома у нас всё хорошо. Скоро картошку копать. Приедешь?

Илья улыбнулся уголком губ. Картошка была ритуалом. Каждый год, сколько он себя помнил, осенью они ездили на дачу, и отец — в те редкие выходные, когда был трезв, — брал лопату и копал, а мама собирала клубни в ведро. Сейчас отца, конечно, лучше не привлекать. Но мама всё равно спрашивает. На всякий случай. Чтобы сохранить видимость «всё как раньше».

— Конечно, приеду. Куда я денусь.

— Ну и славно. Ладно, Илюш, не буду тебя задерживать. Отдыхай.

— Спокойной ночи, мам.

— Спокойной ночи, сынок.

Он положил телефон на грудь и какое-то время смотрел в потолок. Странное чувство: мама говорила как обычно, но внутри у Ильи что-то чуть заметно царапнуло. Какая-то недосказанность. Что-то в её тоне — слишком ровное, слишком спокойное, словно она специально не хотела его тревожить. Может, опять отец? Может, деньги? А может, просто

усталость — та самая, которую он слышит в её голосе уже несколько лет.

Он перевернулся на бок. Завтра он встретится с Яриком. Это будет хороший день. Они посидят в кафе, поболтают, и он расскажет другу про всё — про девчонку с баскетболистом, про футбольных парней с их «открой окно», про то, как в мире страшно, и про то, что внутри у него самого тоже как-то... страшновато. Ярик поймёт. Он всегда понима

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.